

Посвящается Ширли

*Когда лопата у могильщика ржавеет,
Он эль пьет в долг и оттого грустнеет.*

— «В конце», Эндрю Доддс

ГЛАВА 1

Все величайшие умы вселенной иногда по утрам раздражительны, и я не исключение. Если мне предначертано возвыситься над заурядностью, я нуждаюсь в одиночестве, подобно тому, как воздушному шару требуется газ.

Именно поэтому спустя минут пятнадцать после торопливого одинокого завтрака в Букшоу, я, спрятавшись под черным зонтиком, пришла на старинное кладбище Святого Танкреда — единственное место, где меня точно не потревожат.

Есть особый тип могильной земли, который под дождем начинает пузыриться. У меня есть теория касательно этого феномена, но перед тем, как изложить ее на бумаге, мне нужно будет явиться сюда для дальнейших изысканий.

По моему опыту, ничто не бодрит так, как пребывание на сельском кладбище под зонтиком во время дождя и сырости. Прямо над головой по чер-

АЛАН БРЭДЛИ

ному шелку ливень отстукивает военный марш, нос жадно втягивает освежающую вонь могильных камней, мокрой травы и старого мха — запах, открывающий чертоги вашего разума, о которых вы даже не подозревали.

Мох на кладбище очень мягкий, но влажный. Миссис Мюллет говорит, что если я буду на нем сидеть, то заработаю ревматизм, и мне придется вставить новые кости.

Невзирая на холод и сырость, есть особенная прелесть в том, что я здесь совершенно одна (если не считать мертвецов).

У мертвых не бывает внезапных вспышек ярости и свирепости, они не швыряют тарелки и столовые приборы, не шипят и не раздражаются, у них нет обид и приступов неконтролируемого бешенства. Мертвецы просто лежат под вашими ногами, являя собой главное блюдо на роскошном банкете для жирных черных червей, а грибы тем временем радостно переваривают то, что осталось от деревянного гроба. Это мир гармонии и мрачной удовлетворенности, мир тихой благодати и красоты. Это радостный танец смерти.

Я вспомнила тот год, когда в Ночь всех усопших я устроила фейерверк в уединенном уголке этого самого кладбища, наклеив на каждую ракету этикетку с именем мертвеца, похороненного здесь и практически забытого.

КОГДА ЛОПАТА
У МОГИЛЬЩИКА РЖАВЕЕТ

Бум!

Это была Нетти Саваж (1792—1810).

Вжжух!

Сэмюэль Поул (1715—1722).

Тыдыщ!

Арден Глассфилд (1892—1914).

Бум! Бум! Бум!

Тройной залп в честь Энни Старлинг, главной старой девы местного прихода (1744—1775).

К несчастью, одна из ракет Энни угодила в церковную трубу, рухнула на дурацкую кучу мусора и устроила возгорание в доме божьем. Чтобы потушить небольшой, но сильный огонь, пришлось вызывать бригаду Бишоп-Лейси. Отец выразил свое неудовольствие, заставив меня совершить пожертвование в пожарный фонд, но, поскольку это были его деньги, конкретно эта часть наказания не доставила мне затруднений. Сложнее всего оказалось вручить каждое пожертвование лично, и сначала я мучилась, чувствуя себя червяком, но в результате

АЛАН БРЭДЛИ

перезнакомилась со всеми пожарными и познала химию тушения пожаров.

О, славные времена! О, если бы их можно было вернуть!

Теперь мои единственные друзья — это грибы. Когда порой меня одолевает бессонница, то притворяюсь, будто я гриб, тихо и незаметно ползущий по слизи в свете луны, жадно поглощающий беззащитные обломки коры и чавкая так, как может только гриб.

Чвяк! Славная сосновая иголка. *Чвяк!* Обломок горькой ивы. *Чвяк!* Неожиданно попадаетея щепка от крышки гроба со сладким привкусом формальдегида. Воодушевленная, я ползу дальше в надежде на что-то более питательное.

И так далее и тому подобное... пока не проваливаюсь в серый мутный сон.

Вернемся же к дождю и кладбищу Святого Танкреда.

Мне нужно уединение.

— Флавия!

Тысяча проклятий! Это Ундина, моя зловредная кузина и бич Букшоу. Как она меня нашла? Я припрятала мой верный велосипед «Глэдис» за порогом церкви, чтобы уберечь ее и от влаги («Глэдис» любит бегать под дождем, но ненавидит стоять под ним), и от лишних глаз.

КОГДА ЛОПАТА У МОГИЛЬЩИКА РЖАВЕЕТ

Я присела еще ниже, медленно сжимаясь всем телом, как будто могла уменьшиться или вообще стать невидимкой. Возможно, эта вредина примет мой мокрый зонт за часть черного мраморного надгробья.

— Флавия!

Я затаила дыхание и стиснула зубы. В макинтоше и непромокаемой шляпе она выглядела маленьким вурдалаком.

Но она меня заметила.

— В чем дело, о драгоценная моя? — наконец выдавила я, смахивая каплю дождя с ресниц.

Она уставилась на меня, распахнув рот, как будто я только что спустилась с небес по золотой веревке.

— Почему ты постоянно преследуешь меня? — спросила я.

— Потому что я твой крокодил, — прошипела она, стукнула зубами и издала отвратительный щелкающий звук горлом. — Щелк-щелк. Щелк-щелк.

— Катись к чертям, — велела я.

— Ты чокнутая, — заметила она. — Ты в курсе? Чокнутая.

Я почувствовала подступающую тошноту. И прикусила язык.

— Я хочу, чтобы мы, ты и я, поклялись здесь и сейчас, — сказала я, — на священной могиле Святого Танкреда, так сказать, что мы будем добрее друг к другу. Мы обе сироты, помнишь? А сироты дол-

АЛАН БРЭДЛИ

жны держаться вместе. Понимаешь, что я имею в виду?

— Эге-ей! — с энтузиазмом ответила она.

— Не говори «эге-ей», — сказала я. — Звучит, как будто ты говоришь из живота чрево вещателя. Ты слишком много времени проводишь с Карлом Пендракой.

Карл — один из бывших ухажеров моей сестрицы Офелии, военнослужащий из Цинциннати, штат Огайо. Хотя пыл Карла поутих после того, как Фели вышла замуж за его соперника, он продолжал шататься вокруг Букшоу и после свадьбы, возможно, как говорит моя вторая сестра Даффи, «в поисках добычи попроще».

— Карл — отличный парень, — возразила Ундина. — Он учит меня пукать на мотив «Привет вождю»¹.

— Ундина! Что за грубости!

— Я хотела, чтобы он научил меня «Правь, Британия», но Карл сказал, что это концертное произведение и для новичка слишком сложное. Надо потренироваться, не так-то просто испускать тройной пшик. Пока что у меня получается только «Малютка Утка»². Карл говорит, мне нужно научиться

¹ Марш при встрече президента США. — Здесь и далее — примечания переводчика.

² The Baby Duck — очень простая детская песенка.

КОГДА ЛОПАТА У МОГИЛЬЩИКА РЖАВЕЕТ

запускать контральто и сдерживать брызги. Так что я иногда прихожу сюда попрактиковаться. Ну понимаешь, во избежание эксцессов. Скажи, Флавия, отгадаешь загадку? Что это такое — белое с ручкой и летает?

— Не знаю и знать не хочу, — ответила я.

— Ночной горшок! — завопила она, складываясь пополам от смеха и хлопая себя по коленям.

— Ты отвратительна, — сказала я, сдерживая улыбку, чтобы не поощрять ее.

— Я не отвратительна. Я предприимчива. Ты знаешь, что француз по имени Жозеф Пуйоль ужасно разбогател, пуская газы при большом скоплении публики? И не просто музыкальные отрывки, он мог подражать животным!

— Не хочу об этом слышать.

— Карл говорит, что мне нужно увеличить количество капусты в рационе и добавить побольше бобов. А еще Карл говорит, что это заставит даже ангелов молить о пощаде.

— Меня это не интересует.

— Ты ханжа.

— Я не ханжа. Я приличный человек.

Ундина прищурила один глаз и оценивающе посмотрела на меня, будто я товар на восточном базаре.

— Ты де Люс из Букшоу. Вы все одинаковы. Кучка снобов. Крахмал и соус. Ля-ди-да. Понюхай мою юбку. Ибу часто над вами смеялась, знаешь ли.

АЛАН БРЭДЛИ

Ибу — так она называла свою покойную мать Лену, встретившую свой ужасный и зрелищный конец под дождем из витражного стекла, некоторые элементы которого датировались XIII веком¹.

Ундина обеспокоенно уставилась на меня сквозь воображаемое пенсне и с надменным и неодобрительным видом запела:

*«Тише вы, тише, шептаться не стоит.
Кристофер Врен нам лестницу строит».*

— Не очень оригинально, — с трудом нашлась я.

— Она слышала это на спектакле в Оксфорде или где-то еще, — объяснила Ундина. — Но сказала, что эти слова идеально соответствуют де Люсам из Букшоу.

— Возможно, она права, — сказала я, демонстрируя ангельское смирение, но внезапно почувствовала себя грязной.

Что я могу сделать, чтобы воссоединить расколотую семью? Что бы отец подумал обо мне?

Внезапная смерть отца стала для меня сильным ударом. Все утратило смысл. Сначала я пыталась изолироваться и притвориться, что он все еще жив и просто недоступен, как обычно: где-то возится со

¹ Речь о событиях в романе «Здесь мертвецы под сводом спят».